

А. В. Щипков

РОССИЙСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ СЯТОГО ИОАННА БОГОСЛОВА,
МОСКВА, РОССИЯ

Ватикан и богословие мировой периферии

Аннотация. Предметом статьи является дипломатическая деятельность Ватикана в евразийской и азиатской зонах, на территории, в которую входят Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, а также Афганистан и Монголия. Эта активность Ватикана говорит о переориентации Католической Церкви в направлении Глобального Юга и связана с тем, что на фоне процесса медленной и постепенной децентрализации мира началась борьба за Глобальный Юг, которая в случае успеха глобалистских сил может замедлить процесс перехода к многополярности. Важным пунктом политики Ватикана в Азии является неозекологизм, связанный с понятием «интегральная экология» и идеалом «христианского лево-зелёного государства», а также пониманием планеты как «единого живого организма». Это оккультно-эзотерический неоглобализм либерального толка. С другой стороны, Ватикан наращивает культурный диалог и партнёрство со странами мировой «периферии». Анализ азиатской стратегии Ватикана позволяет увидеть переплетение двух встречных процессов: политизации религии и религиозной трансформации политики. Усилия Ватикана в полной мере вписаны в контекст глобальной политики. Глобализм же всё чаще говорит «от имени» периферии. Успех переориентации на периферию позволил бы Западу использовать часть политического ресурса Глобального Юга для контроля над Европой, противостояния с Россией и, возможно, с Китаем. В глобальном контексте

католический прозелитизм сегодня, как и прежде, выступает в роли «мягкой силы» вестернизации и продвижения европейских ценностей.

Ключевые слова: Азия, Ватикан, глобализм, идеология, интегральный экологизм, миссионерство, мир-система, неоглобализм, периферия, прозелитизм

Для цитирования: Щипков А. В. Ватикан и богословие мировой периферии // Ортодоксия. — 2025. — № 3. — С. 11–23. 10.53822/2712-9276-2025-3-11-23

Сегодня Ватикан остаётся одним из влиятельных мировых политических центров. Не в последнюю очередь это связано с высокой активностью его дипломатического корпуса. Особая роль дипломатии подразумевается самой спецификой католического прозелитизма: не случайно нынешний папа Лев XIV (Роберт Прево) после вступления на престол подчёркивал, что папская дипломатия — это выражение самой идеи «вселенскости» Церкви.

Как известно, американские кардиналы практически не рассматривались в качестве кандидатов на Папский престол, но папа Лев XIV имеет американское происхождение. Тем не менее его восшествие обошлось без серьёзных прений и противоборств. По всей видимости, это свидетельствует о высокой степени контроля трамповской администрации над политическим ресурсом Ватикана, а также об исторической преемственности его политического курса. В последнее время в рамках этого курса всё более явно выделяется азиатский вектор. Заметно активизируется деятельность Ватикана на территории, в которую входят Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, а также Афганистан и Монголия. Здесь действует объединяющий всех региональных католических епископов коллегиальный орган Католической Церкви — Конференция католических епископов Центральной Азии (ККЕЦА).

Необходимо сказать о том, чем объясняется особое внимание к этой географической зоне. Проблема для ватиканской дипломатии заключается не в азиатском регионе как таковом. Её целью в последнее время является всё более активное участие в обостряющейся борьбе основных мировых

игроков за Глобальный Юг. Без этого было бы невозможно поддерживать влияние и авторитет Папского престола, как, впрочем, и любого другого современного центра политической силы. Именно поэтому, как утверждают сегодня многие наблюдатели и аналитики, здесь «ключевые региональные игроки прибегают к использованию всех доступных инструментов для перераспределения баланса сил в свою пользу» (Дьяченко 2025).

Но католическое участие в этой политической «кампании» имеет свою специфику. Как подчёркивает А. В. Михалёв в своей статье о борьбе за лидерство на Глобальном Юге, в случае с Ватиканом «речь идёт не просто об авторитете, а именно о церковном понятии “auctoritas”, на протяжении всего Средневековья и раннего Нового времени, использовавшегося в политических доктринах католических философов» (Михалёв 2025). Для Римско-католической церкви лидерство в регионах Глобального Юга давно в приоритете: оно стало новым миссионерским вектором ещё при прошлом папе Франциске, когда данный подход и получил своё название — «концепция периферии». Предпосылкой к его реализации следует считать даже выбор понтификом имени Франциск. Это очевидная отсылка к фигуре наиболее яркого в истории Католической Церкви покровителя бедных и гонимых. Как подчёркивает В. А. Баташов, папа Франциск, «осознанно избрав образ папы “бедных и для бедных”, папы “с края земли”, <...> задаёт чёткий окрас своему служению и самостоятельно отправляется на периферию» (Баташов 2025). Начавшаяся переориентация Церкви «с севера на юг» также включала массовое назначение кардиналов из Африки, Азии и Латинской Америки, постоянные поездки понтифика на «периферию», что сегодня позволяет говорить даже о том, что «папа Франциск проявляет себя “антизападным” папой...» (Дьяченко 2025).

Примечательно, что само понятие «Глобальный Юг» берёт начало не где-нибудь, но в католических научных СМИ, а именно — в журнале *Commonweal*, и лишь затем получает постоянную прописку в мировой научной литературе по социально-экономической тематике. Это событие, имевшее место в конце 1960-х, можно считать своего рода предвестием нынешней ситуации, при которой уже «большинство католиков мира сосредоточены на Глобальном Юге», и можно утверждать, как сделал это кардинал Роберт Сара, что «Церковь больше не европоцентрична»...

Сегодня миссионерство РКЦ полицентрично, и в связи с важностью азиатского направления, как отмечает А. В. Михалёв, всё чаще можно заметить использование термина «Католистан». «Наглядным примером, — пишет он, — стал стремительный рост числа католиков в 2010–2020-х

годах в Казахстане, где ещё недавно в среде русского населения были сильны позиции православия» (Михалёв 2025). Нельзя не отметить, что эта тенденция является тревожным звонком для России.

При Льве XIV миссионерская деятельность Ватикана при сохранении общей преемственности курса, скорее всего, получит дополнительные импульсы. В то же время из-за изменения геополитического контекста уже сегодня происходит её глубокая трансформация. Ранее сложившийся миссионерско-дипломатический дискурс дополняется нарративами, связанными с экуменизмом, новым экологизмом, при этом продолжает звучать условно левая риторика, призывающая к заботе о людях, живущих на «краю мира», то есть о планетарном большинстве.

В этой ситуации обращает на себя внимание логика использования в работе уже упомянутого В. А. Баташова понятия политико-экономической периферии. Как известно, это понятие утвердилось в науке благодаря школе мир-системного анализа (МСА) и обязано своей востребованностью прежде всего усилиям социолога, экономиста и философа Иммануила Валлерстайна. Последний в своей концепции мир-системы использовал дихотомическую ось «центр-периферия», объясняющую общую логику капитализма: закономерности вывоза капитала из зависимых стран, невыгодное положение этих стран в рамках мирового разделения труда и, как следствие, консервации их отсталости. В. А. Баташов в свою очередь подчёркивает: «Подход папы Франциска к “периферии” заключён в двух направлениях. С одной стороны, это социально-экономическая периферия, которая включает в себя категории стран и людей, оказавшихся на окраинах капитализма. С другой стороны, это нетрадиционные епархии Глобального Юга и миссионерство в пределах региона. Развивая каждое из этих направлений, понтифик расширял сферу своего влияния» (Баташов 2025). Таким образом, по мнению исследователя, внутри мир-системы требует отдельного рассмотрения религиозная специфика территорий, тесно связанная с их социально-экономическим статусом и открывающая возможности опосредованного влияния на политико-экономические процессы. Работая именно с этой спецификой в режиме межкультурного и межрелигиозного диалога, активно применяя экуменистическую риторiku, Ватикан и другие глобалистские центры рассчитывают на постепенное достижение долгосрочных культурных, политических и экономических целей на территориях Глобального Юга.

Будучи старейшим геополитическим игроком, Ватикан изначально позиционировал себя как политический центр «другой», консервативной

Европы — Европы старой аристократии, недовольной засильем либеральных стандартов и финансовых институтов. Но в последние десятилетия наблюдается явный дрейф Папского престола в сторону Евроатлантики и неоглобализма. Поэтому при всей своей исключительности современный Ватикан формирует свою дипломатию в рамках общей политической линии глобалистских элит, и этот вектор проявляется в полной мере на азиатском треке.

Важным миссионерско-политическим нарративом Ватикана является неозекологизм, включающий в себя концепцию «интегральной экологии».

Ещё в 2015 году предшественником нынешнего папы была опубликована энциклика «*Laudato Si'*» (лат. «Хвала тебе»), ключевым понятием которой стала «интегральная экология». Это понятие предполагает некую идеальную модель, к которой нужно стремиться для «спасения» нашей планеты и её населения. В качестве составных элементов этой модели были провозглашены «христианское лево-зелёное государство» с упором на «местные, коренные ценности, работу и продукты, созданные сообществом, заботу о людях и животных, а также послушание Божьему любящему замыслу» (Николаев 2025). Таким образом, можно говорить о включении в дискурс Ватикана мотивов неопантеизма и эзотерики, идеи «обоожествления» природы. Но все эти элементы перемешаны в «интегральной экологии» с христианскими идеями. Данное направление можно обозначить как частный случай более широкой программы глобалистского обновления, неоглобализма или, иначе, «духовного глобализма» (всегда употребляется в кавычках).

Даже поверхностный анализ азиатской стратегии Ватикана позволяет увидеть в его деятельности переплетение двух встречных процессов: политизации религии и религиозной трансформации политики. Этот синхронизм можно интерпретировать в том числе как яркое явление периода метамодерна, для которого характерно обилие социальных, культурных и политических гибридов, в том числе, например, гибрида войны и дипломатии. Но в данном случае гибридность имеет очень глубокие исторические корни. Не будет преувеличением сказать, что сама западная религиозность представляла и представляет собой служанку политики. В европейской ментальности одно всегда смешивалось с другим: вера с «цивилизацией», катехизация с колонизацией. Двоеверие является самой сутью западной культуры, взявшей от Рима намного больше, чем от Иерусалима, что и привело Запад к превращению в секулярную техногенную и цифровую цивилизацию (Щипков 2024). В этом контексте

католический прозелитизм выступал и выступает в роли «мягкой силы» вестернизации и продвижения европейских ценностей.

Но примечательно то, что именно в рамках деятельности Римско-католической церкви политическое измерение религиозности выглядит наиболее органичным и фундаментальным свойством, так как здесь оно предопределено католическим пониманием всемирности, а не модернистскими «технологиями». Это обстоятельство всегда накладывало свой отпечаток и на стиль миссионерской и дипломатической работы Ватикана. Если для протестантских организаций с 1990-х годов был характерен массовый и агрессивный прозелитизм, который в некоторых случаях вызывал результат, обратный желаемому (Джоробекова, Рахимов, Ларионов 2025), то подход Ватикана является внешне более мягким и часто опирается на установление культурных связей.

На азиатском треке эта «культурализация» дипломатии очень заметна. Например, в рамках контактов, установленных Ватиканом в Монголии, речь идёт о позитивном переосмыслении исторической роли Чингисхана. «Фигура Чингисхана, идея “*Rex mongolica*” и опыт дипломатии XIII века, — пишет Н. В. Дьяченко, — используются святым престолом для легитимации универсалистской повестки — справедливости, экологической устойчивости и межрелигиозного согласия. Подобная интерпретация прошлого соответствует логике политики памяти, в рамках которой историческое наследие переосмысливается и символически мобилизуется в целях формирования универсальных ценностных оснований современной международной повестки» (Дьяченко 2025).

Но этот «мягкий» культуралистский подход обнаруживает под собой жёсткий политический фундамент. Так, например, «расширение межрелигиозного диалога с мусульманскими государствами <...> предполагает “размывание” мусульманских догм, которые должны формировать иные представления о восприятии религии Востока», а также «формирование иной элиты в мусульманских обществах». Иными словами, «ислам подвергается сильнейшему давлению со стороны Ватикана, для которого трансформация ислама, его воззрений представляет долгосрочный проект», — резюмирует Сергей Жильцов (Жильцов 2025).

Следующий шаг в объяснении дипломатической деятельности Ватикана предполагает ответ на вопрос: какое место в общем неоглобалистском проекте занимает его собственная стратегия? Для этого необходимо сформулировать современное кредо неоглобализма.

Классический проект западной модернизации был однолинейным. Он предполагал, что все общества и культуры должны «войти в современность» на условиях господствующей протестантско-просвещенческой модели как якобы универсальной и общечеловеческой. Ценой за это становилось отбрасывание своих собственных традиций. Финалом развития данной идеи стал «конец истории» Френсиса Фукуямы, а затем знаковая её отмена самим автором.

Сегодня классический глобализм завершён, и ему на смену идёт новый, гибридный глобализм, или просто неоглобализм: это попытка апгрейда сложившейся системы.

Запад стремится сохранить себя как ядро глобальной системы, хотя он уже не в состоянии надёжно контролировать периферию. Выходом из этой ситуации глобальный управляющий класс видит концепцию «интеграции в периферию»; её смысл состоит в том, чтобы «возглавить» мировые окраины, частично либо вовсе фиктивно соблюдая их интересы. Данная концепция служит политическим и идеологическим прикрытием для достижения ещё более тесной зависимости периферии от западных (в настоящее время серьёзно расколотых) властных групп.

Решение указанной задачи осложнено общемировыми кризисными явлениями, прежде всего постепенной, но неуклонной утратой финансовой, а затем и военно-политической управляемости глобальными процессами в регионах. Нарастающая неэффективность либерально-монетаристских методов управления экономикой ставит под угрозу всё здание финансово-цифрового капитализма, пришедшего на смену индустриальному капитализму и уже трансформирующемуся в неофеодализм. Способом преодоления данных проблем глобальный управляющий класс считает скорректированную финансово-экономическую модель с новой символической рентой. Идеологией воспроизводства этой ренты становятся два ключевых дискурса: участие в развитии периферии (Глобального Юга), а также новый («интегральный») экологизм, он же экологический квази-консерватизм. Благодаря этим двум дискурсам население стран бывшего третьего мира и азиатской части бывшего СССР как бы включается или думает, что включается, в группу бенефициаров нового проекта. Это нижнее звено неоглобалистской пирамиды и её последний ресурс.

Прежде население периферии фактически (за счёт вывоза капитала, неэквивалентного обмена, контроля над эмиссией, вытеснения в мировом разделении труда в невыгодные ниши, такие как сырьевая или сборочная) оплачивало существование западного среднего класса.

Сегодня бывший третий мир вынужден поверить в то, что он и сам может сделаться новым, теперь уже мировым средним классом. Этот шанс реализуют лишь те, кто первым успеет интегрироваться в посткризисную неоглобалистскую модель. В рамках этой модели прямая и жёсткая вестернизация заменяется опосредованной, основанной на культурном диалоге и «партнёрстве». Такое партнёрство направлено против «непартнёров», не успевших, не захотевших или не способных вписаться в проект или попросту опоздавших это сделать. Состязание периферийных стран во вхождении в новый «партнёрский пул» Запада имеет свой системный аналог — состязание властных центров Запада по освоению Глобального Юга. Это встречное движение или, точнее говоря, две стороны одного и того же процесса.

Инверсный характер идеологических изменений демонстрирует оборотную сторону «глобального мира»: проблемы внутри системы, направленной на фактическое ограбление окраин, сегодня начинают бить по интересам метрополий и транснациональных элит. Им всё труднее удерживать ситуацию с помощью конвенциональных рычагов. Это подталкивает ситуацию к состоянию управляемого, а в итоге и неуправляемого хаоса. Поэтому неоглобалистский тренд ближайшего будущего вполне может сочетать в себе гибридные конфликты и террористические действия с «мягкой силой», культурными инициативами и новой социальной риторикой леволиберального толка, включающей нарративы экономической деколонизации, приоритетного развития периферии и «интегрального», метафизически и оккультски переосмысленного экологизма.

Резюмируя, можно отметить, что мир-система становится более дискретной. На политико-идеологическом уровне границы центра и периферии размываются, хотя в экономическом отношении это лишь укрепляет роль западных центров в качестве реципиентов по отношению к периферийным экономическим донорам. Это пока ещё поверхностное размывание политических границ мы, несколько опережая события, описываем как ситуацию многополярности. Но глобалистский лагерь понимает её по-своему: как внутреннее просачивание в пространство Глобального Юга вместо прямого контроля и «глобального доминирования» 1990–2000-х. Поэтому глобализм всё чаще говорит «от имени» периферии, корректируя прежнюю риторику, но не поступаясь интересами.

Начавшаяся на фоне постепенной децентрализации мира борьба за Глобальный Юг в случае успеха глобалистских сил может серьёзно

замедлить процесс деглобализации и перехода к многополярности. Успех означал бы возросшую возможность заручиться поддержкой и лояльностью значительной части Глобального Юга, использование её политического ресурса для противостояния с Россией и, возможно, с Китаем. Успех позволил бы части западных элит сформировать в будущем новые центры силы, стать одним из этих центров и вернуть себе наполовину утраченный контроль над ситуацией в мире, блокируя тем самым «многополярный» вектор развития.

Политика Ватикана, который находится в глобалистской орбите влияния, подчинена именно этой логике. Ватикану отведена особая роль в попытках спасти и «обновить» глобалистский проект, пребывающий в системном кризисе. Поэтому неоглобалистская повестка навязывается в том числе с помощью католической экспансии, которая является одним из средств влияния на культурную и политико-экономическую ситуацию в мире. Сегодня Ватикан в полной мере вовлечён в борьбу за Глобальный Юг. Миссионерство — его политический инструмент, и работа внутри «периферии» с помощью этого инструмента ведётся всё более активно. При этом на восточном направлении открытый прозелитизм Ватикана уступает место более медленной стратегии, основанной на инструментах «мягкой силы», риторике «диалога культур», экуменизма, «интегрального» экологизма и социального развития периферии. Кто получит преимущество в этой борьбе, тот сможет опереться на ресурсы Глобального Юга в ходе грядущего финансового обвала, политической хаотизации и перехода к новым моделям развития.

Так выглядит актуальная политическая логика миссионерской стратегии Ватикана. Более глубокое и системное изучение политического миссионерства Ватикана должно было бы иметь своим объектом дихотомию «вестернизации» и «катехизации», восходящую в свою очередь к дихотомии более высокого порядка — «религии» и «цивилизации», которая в конечном счёте и определяет смещение политического и религиозного в европейской культуре, в том числе и в рамках католического прозелитизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Баташов В. А. Франциск — папа Глобального Юга: миссионерство на периферии // Ортодоксия. — 2025. — № 3. — С. 96–109.

Джоробекова А. Э., Рахимов К. К., Ларионов К. А. Ватикан и Кыргызская Республика: история, институциональное развитие и перспективы двустороннего сотрудничества // Ортодоксия. — 2025. — № 3. — С. 188–203.

Дьяченко Н. В. Католическая Церковь в современной Монголии // Ортодоксия. — 2025. — № 3. — С. 152–173.

Жильцов С. С. Таджикистан в политике Ватикана: основные направления // Ортодоксия. — 2025. — № 3. — С. 138–151.

Михалёв А. В. Дипломатия Ватикана в современной Центральной Азии: борьба за лидерство на Глобальном Юге? // Ортодоксия. — 2025. — № 3. — С. 24–41.

Николаев Н. П. Ватикан и климатическая политика // Ортодоксия. — 2025. — № 3. — С. 42–59.

Щипков В. А. Генеалогия секулярного дискурса. — М. : Изд-во «МГИМО-Университет», 2024. — 755 с.

Сведения об авторе:

Александр Владимирович Щипков — политический философ, доктор политических наук, ректор РПУ св. Иоанна Богослова, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, 127051, Москва, Крапивинский пер. 4, e-mail: info@shchipkov.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 08.03.2025; одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 03.04.2025.

A. V. Shchipkov

RUSSIAN ORTHODOX UNIVERSITY OF SAINT JOHN THE DIVINE,
MOSCOW, RUSSIA

The Vatican and the Theology of the World's Periphery

Abstract. The article examines the Vatican's diplomatic activity in the Eurasian and Asian regions, encompassing Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan, Afghanistan, and Mongolia. This growing engagement reflects the Catholic Church's reorientation toward the Global South and coincides with the broader struggle for influence in that region amid the slow and gradual decentralization of the world order. The success of globalist forces in this struggle could slow the ongoing transition toward multipolarity. A key component of the Vatican's policy in Asia is its promotion of neo-environmentalism, which draws on the notion of "integral ecology" and the ideal of a "Christian left-green state", as well as on the perception of the planet as "a single living organism". This approach is a form of liberal, occult and esoteric neo-globalism. At the same time, the Vatican continues to expand cultural dialogue and partnerships with countries on the world's periphery. Analysis of the Vatican's Asian strategy reveals the intersection of two counter processes: the politicization of religion and the religious transformation of politics. The Vatican's initiatives are fully embedded in the dynamics of global politics, where globalist actors increasingly speak "on behalf of" the periphery. A successful reorientation toward the periphery, the article argues, would enable

the West to mobilize part of the Global South's political resources to maintain control over Europe and to confront Russia (and possibly China). In this global context, Catholic proselytism continues to operate, as in earlier periods, as an instrument of "soft power", advancing Westernization and the diffusion of European values.

Keywords: Asia, Vatican, globalism, ideology, integral environmentalism, missionary activity, world-system, neo-globalism, periphery, proselytism

For citation: Shchipkov, A. V. (2025). The Vatican and the Theology of the World's Periphery. *Orthodoxia*, (3), 11–23. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-3-11-23

REFERENCES:

Batashov, V. A. (2025). Frantsisk — papa Global'nogo Yuga: missio-hepstvo na periferii [Francis — The Pope of the Global South: Mission on the Peripheries]. *Orthodoxia*, (3), 96–109. [In Russian].

Dyachenko, N. V. (2025). Katolicheskaya Tserkov' v sovremennoj Mongolii: mezhdunarodnoy politikoj [The Catholic Church in Contemporary Mongolia: Between Proselytism and International Politics]. *Orthodoxia*, (3), 152–173. [In Russian].

Jorobekova, A. E., Rakhimov, K. K., Larionov, K. A. (2025). Vatikan i Kyrgyzskaya Respublika: istoriya, institutsional'noe razvitie i perspektivy dvustoronnego sotrudnichestva [Vatican and Kyrgyz Republic: History, Institutional Development and Prospects for Bilateral Cooperation]. *Orthodoxia*, (3), 188–203. [In Russian].

Mikhalev, A. V. (2025). Diplomatiya Vatikana v sovremennoj Central'noj Azii: bor'ba za liderstvo na Global'nom Yuge? [Vatican Diplomacy in Contemporary Central Asia: A Struggle for Leadership in the Global South?]. *Orthodoxia*, (3), 24–41. [In Russian].

Zhiltsov, S. S. (2025). Tadzhikistan v politike Vatikana: osnovnye napravleniya [Tajikistan in the Vatican's Policy: Main Directions]. *Orthodoxia*, (3), 138–151. [In Russian].

Nikolaev, N. P. (2025). Vatikan i klimaticheskaya politika [Vatican and Climate Policy]. *Orthodoxia*, (3), 42–59. [In Russian].

Shchipkov, V. A. (2024). Genealogiya sekulyarnogo diskursa [Genealogy of the Secular Discourse]. Moscow : Izd-vo “MGIMO-Universitet”. [In Russian].

About the author:

Alexander Vladimirovich Shchipkov — Doctor of Political Sciences, Rector of Russian Orthodox University of Saint John the Divine, Professor of the Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, 4, Krapivensky pereulok, Moscow, Russia, 127051, info@shchipkov.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 08.03.2025; approved after reviewing 20.03.2025; accepted for publication 03.04.2025.